
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ

НАУКА ДЛИНОЮ В ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ
(НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ)

© 2014 г. И. А. Джидарьян

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва

Представлен научный анализ творческого пути Людмилы Ивановны Анцыферовой и личные впечатления об ученом, с которым автору довелось работать и общаться в течение более 50 лет. Показано, что Л.И. Анцыферова была увлеченным исследователем, умелым руководителем, творческим и высоконравственным человеком, в котором сочетались душевность и требовательность, доброта и принципиальность, открытость новому знанию и приверженность выработанным в науке принципам построения системы доказательств исследовательских гипотез. Отражены разные сферы научной деятельности Л.И. Анцыферовой: организационная, исследовательская, педагогическая (подготовка научных кадров) и другие, отмечены главные достижения ученого.

Ключевые слова: личность ученого, творческий путь, научная деятельность, научное наследие, психология личности, методология и история психологии, научно-организационная деятельность, Л.И. Анцыферова.

Трудно представить, а тем более писать о Л.И. Анцыферовой вне той науки, с которой связала ее судьба. Такой наукой стала для нее психология, оказавшаяся ее счастливой, путеводной звездой и настолько глубоко и полно “погрузившая” в себя, что, возможно, она бы сама ее создала, если бы такой науки еще не было (это замечание самой Людмилы Ивановны). К этому своему неожиданному признанию она добавляет еще более удивительную и парадоксальную, на первый взгляд, фразу, имея в виду ту же самую психологию: “Это единственная из наук, из которой я сама состою как личность” [1, с. 502]. Подобное органичное слияние с наукой оказалось возможным потому, что с аспирантских лет занятие психологией стало для нее настолько естественным делом и жизненной необходимостью, что воспринималось, по ее собственному признанию, как “счастливое событие длиной в целую жизнь” [там же, с. 500].

Развивая эту мысль и говоря о том, как формировалась ее личность, Л.И. Анцыферова снова обращается к науке своей жизни, к крупнейшим психологическим теориям личности, через освоение которых она повышала свой “личностный статус” и которые в той или иной степени и форме стали частью ее самой. И, конечно, не менее, а скорее более значительным было влияние нравственно-духовных установок авторов этих концепций на

ее мышление и сознание. “Мое мышление, сознание, личность, – признавалась она, – формировались под воздействием не только всего массива персонологических теорий, но и под влиянием уникальных личностей – создателей этих теорий” [2, с. 255].

Кем же были эти “уникальные” личности среди тех известных представителей и отечественной и мировой психологической мысли, которые оказались на ее жизненном пути, особенно в период профессионального и личностного взросления, и смогли заметно повлиять на формирование ее взглядов, научных предпочтений, строй мысли, отношений к миру, другим людям?

Первым и наиболее значимым среди них был, конечно, С.Л. Рубинштейн, под руководством которого начиналась ее творческая биография и жизнь в большой науке. Практиковавшиеся этим выдающимся советским ученым регулярные беседы со своими учениками, проходившие в форме свободного, дискуссионного обсуждения научных проблем, живого диалога, когда высказывались различные идеи и возможные пути их разработки, были неоценимыми для раскрытия творческого потенциала и последующего научного роста каждого из них. По воспоминаниям Людмилы Ивановны, это общение, когда учитель “выкладывался без остатка”, и все были равноправными участниками обсуждений, очень одухотворяли ее,

приводили в состояние душевного подъема, рождали множество идей и новые повороты мысли. Особенно восхищалась она неординарностью, масштабностью, философским уровнем мышления своего научного наставника, его способностью непрерывно творить, формулируя идеи на более высоком уровне обобщения, а также критически анализировать любые – и зарубежные, и отечественные теории.

Бесспорно, эти “уроки” научного мастерства заложили основы философской культуры ее мышления, привили вкус к теоретико-методологическим проблемам науки, которые в дальнейшем наиболее полно и продуктивно реализовались при разработке ею методологических проблем психологии, ведущих принципов психологических исследований. Особенно это касается принципа развития, в котором главный акцент был сделан на системной организации и внутренних источниках психического развития, условиях накопления и реализации потенциалов развития на протяжении жизни человека. Само развитие стало пониматься и осмысливаться как системный и непрерывный процесс, включающий позитивные новообразования, психологические потери и механизмы компенсации.

В плане нравственности и уроков жизни глубокий след в ее памяти оставили благородство и большая тактичность С.Л. Рубинштейна в общении с другими людьми, его умение прислушиваться к мнению собеседника, кем бы он ни был, уважительно относиться к научным взглядам своих оппонентов, как бы резко ни расходились их научные позиции. И, конечно, он был и навсегда остался для нее наглядным примером необычайного мужества и человеческого достоинства, которые так ярко проявились в трудный период жизни ученого на рубеже 1950-х годов. Именно в это время он подвергся несправедливой травле и нелепым обвинениям в пресловутом “космополитизме”, всевозможным “проработкам” и “чисткам”, непосредственным свидетелем которых стала и Людмила Ивановна.

Другим известным отечественным психологом, повлиявшим на формирование самосознания Л.И. Анцыферовой как личности и ученого, был А.А. Смирнов, многие годы руководивший Институтом общей и педагогической психологии. В этом институте начиналась ее самостоятельная научно-исследовательская деятельность после защиты кандидатской диссертации в 1952 году. Навсегда запомнилась Людмиле Ивановне та удивительная атмосфера доброжелательности и уважительного отношения сотрудников друг к

другу, которая исходила от директора, активно поддерживалась и культивировалась им. Все, от лаборантов до зрелых ученых, вспоминала она, чувствовали себя востребованными, значимыми для науки, способными достичь в ней успеха, ибо ощущали личную заинтересованность директора в научном продвижении каждого из них. Это внимание и поддержку в полной мере ощущала на себе в те годы и молодая сотрудница Л.И. Анцыферова, сохранившая глубокую благодарность и добрую память о своем первом директоре.

Среди других уникальных личностей отечественной психологической мысли, оставивших свой позитивный след в памяти и профессиональной биографии Л.И. Анцыферовой, необходимо назвать, по крайней мере, еще двух людей. Во-первых, это П.Я. Гальперин, который был ее научным консультантом в годы учебы на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Он поражал своим умом и остроумными замечаниями, от которых, как она вспоминала, возникало “ощущение интеллектуального возвышения”. И, во-вторых, Б.М. Теплов, “в статной, элегантной фигуре” которого чувствовалась большая интересная личность с необычным складом мышления и эмоциональностью, имеющая особую гражданскую позицию и способная на мужественные поступки. Например, в годы борьбы с космополитизмом он решительно отказался, в отличие от многих других наших крупных ученых, выступать с разоблачением взглядов С.Л. Рубинштейна, хотя у него и были разногласия с ним по некоторым теоретическим вопросам. Этот отважный для того времени гражданский поступок Б.М. Теплова настолько глубоко впечатлил тогдашнюю аспирантку С.Л. Рубинштейна, что запомнился ей на всю жизнь.

В более поздний период своей научной деятельности, начавшийся на рубеже 70-х годов прошлого столетия, когда Л.И. Анцыферова обратилась к анализу зарубежных концепций личности и биографическим подробностям жизненного пути их авторов, она не без удивления заметила на себе их значительное личностное влияние. Этот неожиданно обнаруженный феномен она объясняла тем, что через автобиографии и труды этих известных миру ученых “высвечивается” их напряженная духовная жизнь, необычный взгляд на мир, жизнеспособность и оптимизм. И в тяжелые минуты жизни обращение к образу таких, ставших ей близкими, хотя лично и не знакомых людей, как Э. Эриксон, Л. Колберг, Г. Олпорт, В. Франкл, К. Левин, К. Роджерс, и многих других, помогало ей выстоять, справиться с трудностями, обрести силу духа.

Все сказанное о Л.И. Анцыферовой в связи с формированием ее личности и профессиональным становлением как ученого, внесшего своим творчеством существенный вклад в развитие отечественной психологической мысли, имело в своем основании ее собственные признания, воспоминания, самонаблюдения, размышления о прошлом, которые представляются нам не только чрезвычайно интересными и порой в чем-то даже неожиданными, но и весьма поучительными. В то же время не должно сложиться ложного впечатления о какой-либо чрезмерной податливости ее личности внешним влияниям (“что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет”), о какой-либо “лоскутности” содержания ее внутреннего мира, мягкости характера, быстрой переменчивости взглядов и т.д. Напротив, все, кто близко ее знал, долгие годы общался или работал в одном коллективе, без всяких сомнений скажут о том, что это был человек очень цельный, сильной воли, твердых убеждений, способный противостоять внешним обстоятельствам и влияниям, если они расходились с ее собственными убеждениями. Но она обладала способностью прислушиваться, присматриваться ко всему новому, нестандартному, не доверяя сразу первому впечатлению, словесным заверениям и т.д. Все полученное извне соотносилось и анализировалось, “переплавлялось” внутри себя таким образом, что становилось ее собственным творением, органичной частью внутреннего Я. Все чуждое при этом не задерживалось и в конечном итоге отбрасывалось. При всей принципиальности и твердости характера она была одновременно очень искренней в своих убеждениях и не только всегда открыто выражала, но и стойко отстаивала свои позиции, даже если они расходились с мнением большинства.

Мои личные воспоминания об Л.И. Анцыферовой охватывают большой отрезок времени, насчитывающий более 50 лет работы в одном коллективе, из которых 18 лет прошли под ее непосредственным руководством. Сначала это был сектор психологии в Институте философии АН СССР, основанный еще С.Л. Рубинштейном, в который я была зачислена в 1960 году в качестве аспирантки К.К. Платонова, а Людмила Ивановна уже была в коллективе, в том числе и в моих глазах, авторитетным и вполне сформировавшимся ученым. Затем, в связи с переходом практически всего этого нашего коллектива во вновь созданный в 1972 г. Институт психологии, он стал называться Сектором философских проблем психологии, руководство которым очень скоро было поручено Л.И. Анцыферовой. Наконец, с 1984 г.

это была уже лаборатория психологии личности, сформированная на базе прежнего философского сектора, и первой заведующей на протяжении более восьми лет также была Людмила Ивановна, а в последние годы жизни она работала в должности ведущего и главного научного сотрудника этой лаборатории. Кадровый состав этих научных подразделений заметно менялся в процессе различных организационных преобразований и неизбежных перемещений сотрудников по личным, профессионально-научным и многим другим причинам, и только мы с Л.И. Анцыферовой, как не без удивления недавно заметила я, неизменно оставались вместе на протяжении всех этих десятилетий.

И, тем не менее, я не могу сказать, что настолько хорошо и близко знала Л.И. Анцыферову, что смогла бы поделиться какими-то неизвестными многим другим подробностями ее жизни, фактами биографии, неформальным общением за рамками научно-деловых отношений, когда обычно раскрываются какие-то неожиданные черты характера, запоминаются детали поведения, возникают неординарные ситуации. Людмила Ивановна была, конечно, очень самодостаточным и закрытым внешнему миру человеком, внешне одинаково ровным и уважительным в отношениях с другими людьми, сохраняла определенную дистанцию при своем общении с ними и при этом всегда была готова прийти на помощь в трудную минуту. Но если бы меня, предположим, вдруг спросили, какой она запомнилась мне, прежде всего, то я представила бы ее сидящей с низко опущенной головой за большим письменным столом с разложенными вокруг книгами и что-то сосредоточенно записывающей в общую тетрадь. Она записывала мысли в свою тетрадь, не только работая с литературой, но и слушая выступления сотрудников во время заседаний лаборатории или на других общеинститутских мероприятиях, которые всегда посещала. Эта привычка вести записи сформировалась у нее, по-видимому, еще в молодые, включая и доуниверситетские годы, когда она самостоятельно и на редкость целеустремленно и настойчиво пыталась дойти до сути заинтересовавших ее научных проблем и самоопределилась в выборе будущей профессии. С этой целью она стала посещать библиотеки, штудирова соответствующую научную литературу, в числе которых была и фундаментальная книга С.Л. Рубинштейна “Основы общей психологии” 1946 года, текст которой она, по собственному признанию, даже выучила чуть ли не наизусть. Этот примечательный факт из ее биографии, поразивший в свое время самого С.Л. Рубинштейна,

а позже и меня, как впрочем и многих других, вполне мог бы претендовать, условно говоря, даже на Книгу рекордов Гиннесса.

Конечно, помимо многосторонней научной и общественной деятельности, которая проходила на виду не только нашего первичного коллектива, но и всего Института в целом, многие из нас знали также и о некоторых сторонах жизни Л.И. Анцыферовой в кругу семьи: о теплых и нежных отношениях с родителями, за которыми она самоотверженно ухаживала во время их продолжительных болезней, жертвуя ради этого своими очередными отпусками в течение многих лет, как трагически переживала она смерть отца, так и не сумев смириться с его уходом из жизни. Мы стали свидетелями и того, как героически и трогательно заботились уже, в свою очередь, о самой Л.И. Анцыферовой в последний период жизни ее сестра Галина Ивановна и племянница, оставались всегда рядом с ней, облегчая физические страдания, поддерживая оптимизм и силу духа. Не в каждой семье складываются и надолго сохраняются такие дружеские и одновременно доверительные отношения между всеми ее членами, формируется свой особый микроклимат и такая прекрасная, психологически комфортная атмосфера, где бы «сочеталось разрешение раскованности с проявлением своеволия и собственного “Я” и, в то же время, с высокой требовательностью в области нравственных отношений, с уважением к другому человеку» [1, с. 499]. Поэтому у всех в этой семье, как признавалась Людмила Ивановна, была “радостная жизнь”. Эти ценные качества ее личности, заложенные первоначально в семье и закрепленные в дальнейшем учителями и наставниками по профессии, в полной мере проявлялись и в общении как с коллегами, многочисленными аспирантами, студентами, так и с теми, кто приходил в Институт за психологической помощью.

Несмотря на свою внешнюю эмоциональную сдержанность и скупость в проявлении чувств, она все-таки находила формы и способы для их выражения. Моя память, например, с большой благодарностью хранит ее удивительно теплые поздравительные открытки, которые я на протяжении многих лет регулярно получала на домашний адрес по случаю своего очередного дня рождения или наших общенациональных праздников. Это были удивительно красочные, художественно хорошо оформленные и, конечно, с любовью отобранные открытки. Они заметно отличались от тех, которые я обычно получала от других своих знакомых или видела в продаже. Но главное было, конечно, в их содержании, в подобранных ею словах и выражениях, от кото-

рых я даже испытывала внутреннюю неловкость, смущение. Вот одно из них, датированное 2007 годом, которое я, как и некоторые другие, бережно храню до сих пор: “Дорогая моя, любимая, остро-умная, кипучая Инночка... Желаю, чтобы не убывала твоя поразительная энергетика, пылкость и острота ума, способность к философским обобщениям и выбору нетривиальных тем... Счастья тебе и новых оригинальных работ...”. А заканчивается это поздравление словами, которые раскрывают, помимо всего прочего, ее скрытые обычно от внешних глаз поэтическую натуру и “чувств высокие порывы”: “С невысказанным душистым букетом чарующих чувств – и любви. Целую, обнимаю. Л.И.”.

В воспоминаниях о Л.И. Анцыферовой я не ставила задачи полностью рассмотреть проделанный ею путь в науке, его основные вехи, тем более проанализировать содержание ее научных достижений и разработок в области психологии, хотя мне хорошо знакомы и ее научная биография, и основные научные публикации: монографии, многочисленные статьи в коллективных трудах и ведущих психологических журналах. Большинство из них, с любовью и теплотой подписанные, были подарены мне в свое время самой Л.И. Анцыферовой, и я их, конечно, бережно храню в своей личной библиотеке, часто используя в своей работе. В настоящее время благодаря вышедшей в 2006 году в издательстве “Институт психологии РАН” книги “Развитие личности и проблемы геронтопсихологии”, где в систематизированной форме собраны все основные, и, на мой взгляд, наиболее интересные с позиций сегодняшнего дня и тенденций развития науки ее публикации, каждый интересующийся имеет возможность составить собственное представление о содержании и масштабе ее творческой деятельности. Полагаю также, что с анализом ее творческого пути и достижений в науке, особенно в разработке концепции личности как развивающейся системной целостности, блестяще справятся ее талантливые ученики, многие из которых уже сами давно стали известными специалистами в области психологии личности.

Тем не менее, оценивая научное творчество Л.И. Анцыферовой в целом, нельзя не отметить большой круг исследуемых ею проблем, затрагивающий в той или иной степени основные разделы и направления психологической науки: методология и философия, теория мышления, психология развития, история психологии, современная зарубежная психология и принципы ее анализа, творчество и жизненный путь крупнейших психологов середины прошлого века, психология личности,

геронтопсихология и др. Выдвинутые ею идеи, концепции, подходы, научные разработки уже давно вошли в арсенал психологической науки, работают на ее перспективу, получили высокую оценку не только отечественной, но и международной психологической общественности: она была заслуженным деятелем науки РФ, почетным членом РАО, награждена орденом “Знак почета”, бронзовой медалью ВДНХ, серебряной медалью международного биографического центра. Ее научная биография помещена в международном издании *Marquis Who's Who (Who's Who in Science and Engineering, 2003-2004, 7-th Ed., USA)*.

Мои воспоминания о Л.И. Анцыферовой связаны не только с ее научно-исследовательской деятельностью как основной, не только с удивительно ответственным отношением к своим обязанностям как заведующей лабораторией и научного руководителя аспирантов, но и с организацией и проведением крупных научных мероприятий: всесоюзных и международных симпозиумов, конференций, семинаров. Особенно запомнился мне, как и многим другим, советско-американский семинар по психологии развития, который проходил в Институте психологии в 1984 г. в соответствии с протоколом Комиссии Академии наук СССР и Американским Советом познавательных обществ (АСПО) по общественным наукам. Впервые наш Институт принимал такую авторитетную и многочисленную делегацию из США, представленную известными психологами из многих университетов (М. Коул, Р. Пломин, М. Мортимер, Д. Белски, Ю. Бронфенбреннер и др.). С нашей стороны, которую возглавляла Л.И. Анцыферова, участвовали психологи Москвы, Ленинграда, Ярославля.

Большое значение придавала Людмила Ивановна установлению и расширению научных контактов нашего Института с другими психологическими учреждениями, конкретными учеными Москвы и других городов и республик страны, зарубежными организациями и коллегами. С этой целью с 1974 года в Институте на постоянной основе под ее руководством начал работать методологический семинар, посвященный методологическим и теоретическим проблемам развития психики. Результаты многолетней работы семинара в своей значительной части образуют содержание таких коллективных трудов под ее редакцией, как “Принцип развития в психологии” (1978) и “Психология формирования и развития личности” (1981). Эти книги, как и многие другие, составителем и редактором которых она была, явились результатом координационной работы не только с отечественными психологами,

но и с учеными Германии (Х. Томэ, Г.-Д. Шмидт, А. Коссаковский), Польши (К. Обуховский), Болгарии и других стран.

Надо особо отметить заслугу Л.И. Анцыферовой в том, что она одной из первых отечественных ученых, а в ряде случаев и самой первой, обращалась к осмыслению творчества ряда крупных западных психологов-персонологов, основателей оригинальных теорий личности, психотерапевтических школ и направлений. Благодаря ее творческим инициативам, знанию иностранных языков, трудолюбию и, конечно, высокой культуре научно-критического анализа, большинство из нас впервые не “по касательной”, а фундаментально, насколько позволяли объемы статей, имели возможность по главным позициям познакомиться с творчеством таких, уже хорошо известных на Западе, но практически совсем не известных тогда у нас психологов, как, например, Х. Томэ – основатель динамической интерпретации личности и широкого применения психобиографического метода в ее изучении; П. Балтес, прославившийся своими исследованиями психологической структуры мудрости; П. Жане с его богатой психотерапевтической практикой и основанной на ней концепцией личности; А. Валлон – автор оригинальной теории психотонической активности человека и ее развития в онтогенезе и многие другие.

Касаясь этой области своей научно-пропагандистской деятельности, связанной с “передачей научной общественности того, что увлекало ее при исследовании современной зарубежной психологии” [1, с. 501–502], сама Л.И. Анцыферова предпочитала рассматривать ее как своеобразную форму практики, которой так не хватало ей всегда в собственных исследованиях личности. Но это была практика общения не с теми, кто нуждается в психологической помощи, а с ее коллегами-психологами. И хочется согласиться с этой ее интерпретацией, поскольку мы действительно получали “помощь”, читая эти ее статьи, посвященные творчеству неизвестных нам тогда современных западных психологов.

Вот уже больше года, как мы, к сожалению, живем без Л.И. Анцыферовой. Но с нами остались жить не только ее многочисленные работы с их плодотворными идеями, содержательными разработками, глубоким осмыслением эмпирического и психотерапевтического материала, накопленного в мировой науке, но и ее личный пример того, как надо любить дело, которым ты занимаешься, самоотверженно служить и быть честным в науке. Именно к большой научной честности,

исключающей легковёрность, небрежность, скоропалительность выводов, недопроверенность фактов призывала она, прежде всего, молодых психологов. Одновременно с честным отношением к науке она желала молодым ученым быть личностями не только в своей профессии, но и в жизни. Это означало для нее, как мы хорошо знаем из ее собственного примера, высокую требовательность в области нравственных отношений, высочайшую целеустремленность и подлинную гражданственность, любовь и уважительное отношение к другому человеку. Именно такой знали и запомнили ее мы – коллеги, сослуживцы, ученики. И эта высокая нравственная планка ее личности была для многих из нас, более молодых сотрудников и аспирантов, наглядным жизненным ориентиром, как в свое время сама она ориентировалась на своих именитых учителей в науке.

Наконец, думая о тех, кто идет нам на смену в профессии, Л.И. Анцыферова не могла, конечно, оставить без внимания и главную, любимую тему своего творчества, исследования которой с 1990-х годов стали для нее новым откровением, открывшимся заново дыханием – психологическую проблему личности. Понимая известную ограниченность своих прежних разработок, слабо опиравшихся на конкретно-содержательные

основания, практику психотерапии и психоконсультирования, отечественные оригинальные личностные методики, ей хотелось, чтобы теоретико-эмпирические исследования строились на изучении всей полноты реальной жизни личности, охватывали весь жизненный путь человека в его целостности и индивидуальной неповторимости. Одновременно она ориентировала молодых психологов на необходимость изучения личности человека нашей новой исторической эпохи во всем ее своеобразии, со всей присущей ей противоречивостью и жизненными конфликтами, надеждами и тревогами, и чтобы любые теоретические разработки шли одновременно с созданием новых методических исследовательских инструментов [1, с. 507]. Пожелания эти, конечно, нацелены на то, чтобы вывести отечественную психологию личности на передовые позиции в мировой персонологической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Издательство "Институт психологии РАН", 2006.
2. Артамонов В.И. Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Academia, 2003.

LIFELONG SCIENCE (SOME TRAITS TO L.I. ANTSYFEROVA'S PORTRAIT)

I.A. Djidaryan

*PhD, senior research officer, Federal State-financed Establishment of Science,
Institute of Psychology RAS, Moscow*

Scientific analysis of Ludmila Ivanovna Antsyferova's creative way and personal impression about scientist with whom the author had been working and communicating for 50 years is presented. It is shown logically and impartially that L.I. Antsyferova was enthusiastic researcher, competent leader, creative scientist and person of high moral standards. She combined such qualities as warmth and exactingness, kindness and adherence to her principles, openness to new knowledge and adherence to scientific principles of hypotheses-proving system construction. Different spheres of L.I. Antsyferova's scientific activity viz scientific and organizational, research, pedagogical (training of scientific personnel) etc. are portrayed, her main scientific achievements are noted.

Key words: scientist's personality, creative way, scientific activity, scientific heritage, psychology of personality, methodology and history of psychology, scientific and organizational activity.